

Зима принесла с собой пронизывающий холод. К ноябрю Гу Сяодун окончательно изнывал под домашним арестом. Однажды ночью в окно негромко постучали. Смахнув со стола ворох разбросанных рецептов, он распахнул створку — и в ту же секунду ему в грудь уткнулся взъерошенный, тощий кречет, обдав его запахом крови и тепла.

У Сяодуна перехватило дыхание, глаза мгновенно защипали от слез. Он торопливо подхватил птицу. Дремавший у ног Сяо Пэй подскочил и наострил уши. Сяодун хотел шикнуть на пса, но тот лишь восторженно запыхтел, уставившись на пернатого гостя сияющими глазами.

Гу Сяодун только и смог что вздохнуть:

— Понятно, лохматый. Узнал старого приятеля.

Глубокой ночью слуги и стражники за дверями спали и ничего не заметили. Сяодун осторожно устроил кречета на руках. Догоревший фитиль — так звали птицу — сильно изменился: исчезла бывалая стать, он похудел, перья потускнели и взъерошились, а обычно зоркие глаза-бусинки подернулись мутной пеленой. Израненный, измученный перелетом, он едва держался на лапах.

Гу Цзиньюй уехал в конце весны, пообещав перед уходом: даже если сам не вернется к зиме, пришлет вестника. И вот, когда землю припорошило первым снегом, птица наконец долетела.

Глядя на Догоревшего фитиля, Сяодун словно видел самого Цзиньюя. Обида и злость, копившиеся весь этот месяц в неволе, разом подступили к горлу. Сдерживать слезы больше не получалось. Шмыгая носом, он легонько потряс кречета за лапы:

— Гу-гу?

Взъерошенный вестник мотнул головой, будто стряхивая оцепенение, и его взгляд немного прояснился. Он ласково ткнулся клювом в ладонь хозяина, оставив на светлой коже следы дорожной пыли и запекшейся крови. Натешившись, птица гордо приподняла лапу, подрагивая привязанным к ней футляром.

Сяодун усадил гостя на колени и дрожащими пальцами отвязал непривычно крупный цилиндр для писем, достав оттуда два свернутых листка.

Первое письмо, испятнанное следами крови, принадлежало перу Гу Цзиньюя:

«Сяодун, читай это письмо. Мы расстались давно, и Сэньцин бесконечно тоскует по тебе.

Чжу Ми сообщил мне обо всем, что творится в поместье. Не тревожься. Мне удалось выторговать у старейшин отсрочку. Я не оставляю тебя одного до наступления Нового года. Запрись в академии и ни в коем случае не покидай усадьбу. Когда я вернусь на праздники

домой, то искуплю перед тобой все свои грехи».

Второе письмо написал Чжан Дэнцин. Знакомый почерк, привычный уверенный тон:

«Дэн-цзай, я вместе с армией твоего наследного княжича держу путь на юго-запад. Мы сейчас зачищаем Башню Тысячи Механизмов — то проклятое гнездо темных практиков, с которыми мы связаны тысячью невидимых нитей. Как только я покончу с этими подонками и расчищу нам путь в мир боевых искусств, сразу двинусь на север, в Чанло, чтобы забрать тебя.

Будь умницей, Дэн-цзай. Одевайся теплее и жди меня у жаровни».

Отложив послание Цзиньюя, Сяодун бережно взял письмо Дэнцина и полез за своей шкатулкой. В ней хранился подарок на совершеннолетие, присланный Цзиньюем четыре года назад — шпилька для волос, которую Сяодун так ни разу и не надел, — а также все письма, что он получал за последние пять лет. Чжан Дэнцин был его названным братом, но и Цзиньюй оставался близким человеком. По крайней мере, Сяодун всегда так считал.

Опустившись на колени, он разложил письма на полу. Скрупулезно, строчка за строчкой, сравнивал он почерк на старых и новых листках.

Ночь близилась к концу, а он все сидел, ведя пальцем по чернильным росчеркам. Никаких сомнений не оставалось. Почерк и слог Дэнцина за пять лет не изменились ни на йоту, подробности походной жизни сходились до мельчайших деталей.

Такое невозможно подделать. Неужели Цзиньюй все-таки не солгал? Зачем ему разыгрывать этот сложный спектакль и выдумывать ежемесячные письма на протяжении пяти лет только ради того, чтобы запутать его в отношениях между кланами Гэ и Гуань?

Целый месяц Сяодун мучился подозрениями о судьбе названного брата, и лишь теперь тяжелый камень наконец скатился с души. Смахнув слезы, он убрал письма обратно в шкатулку.

Он так и не сомкнул глаз до рассвета. Ответ Дэнцину он написал на одном дыхании, а вот над строчками для Цзиньюя долго сомневался, то и дело перечеркивая написанное. Когда за окном начало сереть, он наспех набросал пару фраз, нарисовал на полях забавную рожицу и, свернув послания, закрепил их на лапе выпавшегося Догоревшего фитиля. Распахнув окно, он выпустил кречета на волю.

То ли подействовала обещанная Цзиньюем «отсрочка», то ли сыграли роль другие скрытые рычаги, но три дня спустя стража перестала держать Сяодуна под столь жестким замком. Ему разрешили выходить во двор во время занятий в академии. Наконец-то он смог прогуляться с Сяо Пэем на поводке. И пусть по дороге ему не встретился ни один сокурсник, это было

стократ лучше унылого заточения.

Заметив впереди изящный павильон и фигуру внутри, Сяодун обернулся к следовавшему по пятам охраннику:

— Могу я поговорить со второй молодой госпожой?

Стражник молча кивнул в знак согласия. Сяодун потянул за собой Сяо Пэя.

Гу Жухуэй стояла у перил в платье цвета палой листвы. Высокая, стройная, она казалась хрупкой, почти прозрачной, однако твердый, холодный взгляд выдавал нестигаемую волю, которая легко компенсировала телесную слабость.

Сяодун невольно засмотрелся на жемчужные подвески в ее ушах.

Сяо Пэй вдруг уперся лапами, пытаясь вырвать поводок и удрать. Сяодун со смехом втащил упирающегося пса в беседку и поздоровался:

— Вторая молодая госпожа, как вы здесь оказались?

Он так давно ни с кем не разговаривал, кроме Фэнъэня.

— Пришла навестить вас, — мягко улыбнулась Гу Жухуэй, опустив взгляд на настороженного пса. — Так это и есть та самая овчарка, которую Цзиньюй выменял у наследной принцессы вместо предложенных танцовщиц?

Сяодун растерялся:

— Танцовщиц?

Заметив его недоумение, Жухуэй тихо рассмеялась:

— В прошлом году, когда четыре провинции прислали дань, наследная принцесса тайно раздала красавиц приближенным Восточного дворца. И только Цзиньюй попросил вместо них пастушью собаку.

Сяодун удивленно хмыкнул. Цзиньюй ему об этом не рассказывал. Но куда больше его озадачил другой вопрос: если это происходило тайно, откуда об этом знала Жухуэй? Ведь если делить семью Гу на лагерь, она должна быть по другую сторону баррикад от Цзиньюя.

— Похоже, я ей совсем не нравлюсь, — заметила Жухуэй, глядя на тихо рычащего пса. —

Шаньцин, я пришла не для долгих разговоров. Всего пару слов.

— Слушаю вас, — Сяодун наклонился и взял Сяо Пэя на руки. Пес тут же сменил гнев на милость и принялся преданно лизать его в подбородок.

— Твоя судьба все еще не решена. И я мало чем могу помочь, — Жухуэй протянула ему маленький, искусно выточенный кровавый нефрит. — Возьми. Держи при себе, возможно, он тебе пригодится.

Сяодун, придерживая брыкающегося пса, с трепетом принял драгоценный подарок:

— Ого... Спасибо большое!

— Не за что. В истории со вторым принцем ты, по сути, принял удар, предназначавшийся мне, — лицо Жухуэй словно подернулось тенью. — Я пришла к тебе в первый и последний раз. Скажи, могу я сделать что-то для тебя?

Глаза Сяодуна загорелись. Поколебавшись, он спросил:

— Могу я узнать об одном человеке?

Жухуэй решила, что речь пойдет о ком-то из клана Су или Гэ:

— О ком?

— Чжан Дэнцин. Он вошел в поместье вместе со мной пять лет назад, — Сяодун принялся описывать названного брата, надеясь получить хоть какую-то зацепку.

Взгляд Жухуэй усложнился:

— Не знаю. Этим делом занимались отец и Цзиньюй.

— Вот как... — разочарованно выдохнул Сяодун. — Вторая молодая госпожа, а какой он... этот второй принц?

Жухуэй долго молчала, а затем сквозь зубы процедила короткое, горькое слово:

— Вечный второй.

— Что?

— Мы с ним похожи в этом.

Она не стала объяснять подробнее, но от ее молчания веяло такой безысходностью, что продолжать разговор не имело смысла. Сяодун попрощался и ушел, унося Сяо Пэя на руках. Вернувшись к себе, он отыскал несколько рецептов и баночку со снадобьем и передал их ей через слуг.

Выслушав объяснения Сяодуна, Жухуэй изумилась:

— Почему бы тебе самому не отнести это матушке?

Сяодун покачал головой:

— Не стоит. В прошлый раз я и так наговорил княгине лишнего. Я понял, что мое присутствие лишь берedit ее раны, так что мне лучше держаться подальше. А вот князя я не видел уже очень давно... Когда мы говорили в беседке, я хотел попросить тебя устроить мне встречу с ним, но вовремя передумал.

— Ты ненавидишь нас?

— Мне страшно, — честно признался Сяодун. — Но ненависти нет. Просто у нас разные пути.

— И каков же твой путь?

— Наверное, самый никчемный с вашей точки зрения.

Видя, что она ждет ответа, Сяодун смущенно потер нос:

— Не хочу говорить. Это лишь даст вам лишний повод презирать меня.

В ночь после ухода Жухуэй, едва Сяодун закончил очередную главу своих путевых заметок, в его покоях неожиданно появился ночной гость.

Перед ним стоял Су Сяюань. Юноша принял облик Фэнхуаня благодаря искусному гриму и с криком: «Брат Шаньцин!» — бросился ему на шею.

Изумление Сяодуна быстро сменилось радостью. Он осторожно покрутил Сяюаня за плечи, пытаясь отыскать хоть малейший изъян в маскировке, но перед ним стоял самый настоящий, подлинный Фэнхуань.

— Как ты сюда пробрался?

— Тебя давно не видно на занятиях, а вокруг твоих покоев выставили такую стражу, будто здесь казна императора! Только дурак бы не понял, что ты в беде, — Сяююань похлопал себя по фальшивым щекам. — Сегодня охрана наконец дала слабину, и я сразу пустил в ход свои лучшие навыки, чтобы пробраться к тебе.

Сяодун не ожидал от мальчишки такого мастерства, но еще больше его поразил стоявший поодаль Фэнъэн:

— Фэнъэн! Ты же над братом трясешься как над сокровищем! Как ты позволил втянуть его в это?

Фэнъэн подошел ближе и озвучил план, от которого у Сяодуна голова пошла кругом: они собирались вызволить его, поменявшись местами.

Сяодун слушал как в бреду. Фэнъэн торопливо объяснял, что Сяодуну нужно бежать из поместья Гу прямо сейчас, пока бдительность стражи притупилась. Люди клана Су уже ждали снаружи, готовые укрыть беглеца.

Не дав Сяодуну опомниться, Сяююань принялся наносить грим на его лицо. Вскоре Сяююань остался в комнате под видом Сяодуна, а сам Сяодун в облике Фэнхуаня проследовал за Фэнъэнем мимо постов. Все заботы в академии Широкого Благодеяния заговорщики брали на себя. По пути Сяодуну пришлось трижды сменить маскировку, прежде чем он окончательно покинул пределы усадьбы Гу.

Побег был поспешным и нервным. Сяо Пэя уносили следом, зажав ему пасть, чтобы пес не залаял. Кровавый нефрит в кармане неприятно давил на грудь. Сяодун до конца не верил, что вырвался на свободу. И пусть он бежал из одной клетки в другую, выбора у него не оставалось.

Люди клана Су тайно привели его в Башню Сбора Звёзд. И только когда он вошел в покои Яркой Свечи и увидел сидящего за столом Су Минью, морок побега окончательно рассеялся.

Сяодун потер глаза, не веря собственным чувствам:

— Молодой господин Су... Неужели это правда вы?

Су Минья протянул к нему руки.

Сдерживаемая месяцами боль хлынула наружу. Сяодун бросился в его объятия и разрыдался взахлеб.

Минья крепко прижал его к себе, хрипло нашептывая слова утешения:

— Тише, маленький мой, все хорошо. Я знаю, знаю... Теперь тебе нечего бояться.

Сяодун не мог вымолвить ни слова, лишь безостановочно повторял его имя, цепляясь за него, словно за последнюю спасительную нить в этом огромном городе.

В декабре ударили лютые морозы и повалил густой снег. Су Минья, укутавшись в теплый плащ, держал Сяодуна на коленях у жаровни. Сяодун то и дело поднимал на него глаза, и Минья мягко целовал его, согревая своим дыханием.

В первые дни Сяодун мучился бессонницей, вздрагивая от каждого шороха. Чтобы успокоить его, Минья семь ночей подряд спал с ним в обнимку, баюкал и целовал, пока к мальчику наконец не вернулся прежний покой.

Каждое утро Сяодун засыпал его вопросами о Сяююане, о положении дел в Чанло, о семьях Гу и Су. Минья неизменно отвечал, что наступило затишье, и просил его просто мирно переждать бурю здесь.

И Сяодун послушно оставался в своей золотой клетке, пока снаружи бушевали штормы.

После очередного поцелуя Минья осушил слезы на его щеках и скользнул холодной ладонью под теплую одежду Сяодуна, оглаживая его талию, словно пытаясь силой забрать его тепло.

— У вас всегда такие холодные руки, молодой господин, — Сяодун поежился, но доверчиво прижался теснее, согревая его левую ладонь своим дыханием.

— Да, я холодный. Не то что ты, маленький, — прошептал Минья, утыкаясь ему в шею. Ему до безумия хотелось спрятать его от всего мира, присвоить без остатка.

Но это было невозможно.

Семья Гу намеревалась принести Сяодуна в жертву союзу со вторым принцем, и семья Су только приветствовала этот шаг. Князь Чжэньбэй Гу Янь планировал использовать весь свой клан как противовес в борьбе престолонаследников — точно так же, как десять лет назад он отдал на заклятие свою старшую дочь Гу Жэньли. Время сделало круг, но Поместье князя Чжэньбэй так и осталось верным цепным псом престола, готовым безропотно принести себя в жертву.

Восхождение наследной принцессы на трон было неизбежным, и семья Су, желая сохранить

свое превосходство среди великих кланов, лишь злорадствовала, глядя, как Гу Янь добровольно отдает влияние. Чтобы продемонстрировать лояльность наследной принцессе и одновременно удержать ее от расправы над другими царственными братьями, князь решил выдать своего названного сына второму принцу. Ради призрачного равновесия сил он готов был пожертвовать и приемным сыном, и родной дочерью, и всей своей армией.

Семья Су радовалась его слепоте. Чем сильнее Гу Янь навлекал на себя немилость будущей императрицы, тем прочнее становилось положение Су на политической арене.

Если бы Гу Янь не проявил такое упрямство или если бы находящийся на границе Гу Цзиньюй не задействовал свои военные рычаги, чтобы надавить на семью, Су Минья нашел бы способ побороться за Сяодуна. Но теперь на карту было поставлено слишком многое. Он должен был унаследовать главенство в клане Су, а его клан не желал уступать Гу, точно так же как сам Минья не желал уступать Цзиньюю.

Су Минья стремился к абсолютной власти и лучшим сокровищам. И если приходилось выбирать между властью и любимой игрушкой, выбор был очевиден.

Цзиньюй пытался склонить всю семью Гу на сторону Восточного дворца, но Гу Янь стоял насмерть. Мачеха Ань Жои, Жухуэй и старший брат Пинхань не могли повлиять на его решение. Раз уж нельзя было договориться в открытую, дело решили уладить тайно.

И клан Су решил подтолкнуть ситуацию. А заодно заставить Су Минью приложить к этому руку.

— Эта зима выдалась необычайно суровой, — Сяодун доверчиво потерся щекой о его плечо. — Когда же придет весна? Минья, когда потеплеет, я смогу изменить внешность и выйти погулять? Как думаешь, к тому времени все уляжется? Надеюсь, семье Гу больше не понадобится использовать меня ради выгоды.

— Да, — Минья крепче сжал объятия. Его грудь сдавило удушье, словно вернулась старая астма, хотя он давно излечился.

Клан Гу мог вырастить одного Гу Сяодуна, но с ресурсами клана Су они легко обучат Сяоюаня, а со временем найдут еще более совершенную замену. Появятся новые слуги — Сяо Чжи, Сяо Ян... Без Гу Сяодуна семья Су все равно найдет способ собрать вокруг себя всех прекрасных юношей Поднебесной. Рано или поздно замена отыщется.

Власть конечна, а живые игрушки не переводятся.

В конце концов, когда его влияние окрепнет, кто посмеет оспорить его права, будь соперником даже второй принц? Он всегда сможет вернуть Гу Сяодуна себе.

Когда придет время, он просто заберет его назад.

Обязательно заберет.

— Тебе не нужно ждать весны, чтобы выйти наружу. Помнишь, в конце весны я обещал взять тебя на Императорскую зимнюю охоту? — Минья изо всех сил старался говорить ровно, сдерживая бешено колотящееся сердце. — Через четыре дня мы отправляемся на гору Белых Ключей. Хочешь поехать со мной?

Слова давались ему с трудом.

Сяодун заколебался. Он вспомнил предостережения Цзиньюя, но больше всего боялся доставить Минье неприятности.

Прижавшись щекой к его груди, он прислушался к частому, неровному стуку сердца:

— Это не доставит тебе хлопот? Если нужно, я могу и дальше прятаться здесь.

— Никаких хлопот.

Слова сорвались с губ Миньи сами собой, и его сердце вдруг успокоилось.

Ложь похожа на падение в бездну: стоит сделать первый шаг, и дальше лететь уже совсем не страшно.

Минья ровным, будничным голосом принялся описывать прелести поездки на гору Белых Ключей. Он говорил так убедительно, что сам почти поверил, будто действительно везет Сяодуна на прогулку.

Словно они были не продавцом и товаром, а настоящими влюбленными.

Восьмого декабря Гу Сяодун под чужой личиной и в простом платье скромного слуги покинул Чанло в составе пышного обоза клана Су. Всю дорогу он едва сдерживал смесь восторга и страха, не смея даже взглянуть в окно кареты, чтобы случайно не попасться на глаза кому-то из знакомых.

Минья невозмутимо усадил его к себе на колени, приоткрывая плотную штору:

— Не бойся. Твое лицо изменено безупречно, никто тебя не узнает.

Сяодун едва слышно спросил:

— В поместье Гу точно ничего не заметили? Сяюань не выдал себя в академии?

— Нет, — Минья нежно коснулся губами ямочки на его щеке. — Забудь обо всем и просто отдыхай.

Сяодун облегченно вздохнул, хотя на душе по-прежнему скребли кошки. Необъяснимое предчувствие беды заставляло его то и дело ощупывать лицо, проверяя маскировку.

Выехав на рассвете, к полудню караван прибыл к подножию горы Белых Ключей, где уже раскинули лагерь десятки знатных семей Чанло. Шатры клана Су располагались на просторной, безопасной равнине неподалеку от императорской стоянки.

Выбравшись из кареты, Сяодун робко огляделся. Вдали виднелся незамерзающий в эти морозы пруд, у которого стражники поили коней.

Он жадно вдохнул ледяной воздух. Дыхание перехватило от холода, но это было упоительное ощущение свободы.

Провожая взглядом пеструю толпу вельмож в дорогих одеждах, он заметил среди прохожих Гэ Дунчэня и Гуань Юньцзи. Они покорно следовали за высоким статным мужчиной в темном одеянии. Сяодун испуганно отвел взгляд и поспешил опустить голову.

Уходя из Башни, он зачем-то прихватил с собой кровавый нефрит, подаренный Жухуэй. Зачем он ему — он и сам не знал.

Главные события охоты намечались на следующий день, первый же предназначался для обустройства. Вокруг царила суматоха, поэтому Сяодун не покидал шатра Миньи. С наступлением сумерек Минья наконец вернулся. Он выглядел изможденным после бесконечных светских бесед, и даже улыбка давалась ему с трудом.

Сяодун ласково обнял его, и Минья склонил голову ему на плечо. В пустом шатре он нежно коснулся губами его мочки и тихо произнес:

— Завтра ты сможешь выйти.

— Мне и здесь хорошо, — прошептал Сяодун, доверчиво притираясь к его груди. — Я увидел небо и горы, и этого с меня довольно.

Минья судорожно вздохнул и вдруг предложил:

— Сяодун... Давай выпьем вместе. Разделишь со мной чашу вина?

Сяодун улыбнулся:

— Если твое здоровье позволяет, я только за!

Минья усадил его за низкий столик, лично подогрел кувшин и наполнил чашу. Сделав глоток, он припал к его губам, делясь хмельным напитком.

В Башне Сбора Звёзд они часто целовались так, передавая друг другу воду, но в этот раз вкус вина показался Сяодуну странным.

В кубке отчетливо ощущался легкий привкус лекарственных трав. «Наверное, целебная настойка», — подумал Сяодун. С его телом целебного человека любые снадобья были бесполезны, так что переводить на него редкое вино было пустой тратой сил.

Он послушно проглотил напиток, но почти сразу почувствовал, как голова наливается тяжестью. Прохладная ладонь Миньи мягко опустилась на его веки, и вкрадчивый голос прошептал на ухо:

— Засыпай, маленький. Спи крепко.

Решив, что просто захмелел с непривычки, Сяодун послушно закрыл глаза и провалился в темноту, уткнувшись в его плечо.

Сон казался глубоким, но две чаши слабого вина не могли усыпить его надолго. Вскоре Сяодун начал приходить в себя.

Однако открыть глаза он не сумел.

Лицо стягивала плотная повязка, а сам он лежал в чьих-то руках. Его запястья были крепко зажаты, кто-то обнимал его за талию — рядом находились по меньшей мере двое.

Затаив дыхание, он прислушался к негромким голосам, раздававшимся прямо над ним.

— На сколько его усыпит одна чаша Зелья Одурманивания Разума?

Этот голос принадлежал Гуань Юньцзи.

— Снадобье крепкое, обычный человек проспал бы до утра. Я же говорил тебе, что зелье куда лучше вина — по крайней мере, мальчик увидит сладкие сны.

А это говорил Гэ Дунчэнь.

Затем Дунчэнь приподнял его лицо за подбородок и, мягко поглаживая по пояснице, поцеловал в губы.

Сяодун оцепенел.

Что здесь происходит?!

Он лежал в объятиях Дунчэня, лишенный возможности пошевелиться. Его руки стискивал Юньцзи, сжимая запястья так сильно, будто хотел переломить кости.

Юньцзи лихорадочно шептал:

— Гу Шаньцин, Шаньцин...

Дунчэнь оторвался от его губ и принялся покрывать поцелуями шею, прерывисто вздыхая:

— Неужели мы больше никогда не сможем вот так держать нашего маленького Сяодуна? Как же жаль... Драгоценная яшма, которую я ласкал четыре года, достанется императорской семье. Юньцзи, как думаешь, может, второй принц позволит мне иногда забавляться с ним? У его высочества столько наложников, одним больше, одним меньше...

— Заткнись! — сорвался на плач Юньцзи. — Отпусти его и забудь все, что было. Его высочество с минуты на минуту будет здесь.

Дунчэнь с неохотой потерся кончиком носа о шею Сяодуна и хрипло произнес:

— Ладно... Сначала ты отпусти его руки, тогда и я отпущу.

Но ни один из них так и не разжал пальцев.

В голове Сяодуна воцарился хаос. Обрывки воспоминаний последних лет начали стремительно складываться в жуткую картину. Он лежал неподвижно, боясь выдать себя даже вздохом, пока издали не донеслись тяжелые, уверенные шаги. Лишь тогда мучители нехотя отстранились и уложили его на мягкое ложе, словно безжизненную куклу.

Он услышал, как оба почтительно поприветствовали вошедшего, назвав его вторым принцем.

— Вольно. Благодарю за службу, мои верные слуги. Подумать только, сегодня вам пришлось лично красть для меня юношу, — голос вошедшего звучал бархатисто и мягко, но от его вкрадчивых интонаций у Сяодуна мороз побежал по коже. Его пальцы мелко задрожали.

— О... А наш зверек-то уже очнулся.

Юньцзи едва успел возразить, что этого не может быть, как Сяодуна резко вздернули за плечи и сорвали с его лица повязку.

Яркий свет свечей ослепил Сяодуна, из глаз брызнули слезы. Грубые пальцы бесцеремонно сжали его мочку с жемчужной сережкой. Испуганно вскинув голову, он попытался уклониться от нависшего над ним незнакомца в темном халате и бросил взгляд на бледных, как смерть, Юньцзи и Дунчэня.

Сяодун не понимал, как оказался в этом чужом шатре. Он хотел закричать, позвать на помощь, но при взгляде на Дунчэня его желудок скрутило спазмом от недавнего поцелуя. Отвернувшись к краю постели, он зашелся в мучительной рвоте.

— Что за причуды? Откуда такая реакция? Я ведь тебя еще даже не коснулся, а ты уже ведешь себя как беременная баба. Чьего ублюдка ты носишь под сердцем? — со смехом произнес принц, бесцеремонно швыряя его обратно на постель. Только теперь Сяодун смог рассмотреть его лицо.

Красивое. И невероятно порочное.

Сяодун захлебывался слезами от ужаса и отвращения:

— Второй принц... Гао Минцянь...

— О, так ты меня знаешь, — ухмыльнулся Минцянь. Он бесцеремонно стер остатки грима с его лица и залюбовался добычей. — А я вот вижу тебя впервые. Какая прелесть... Твои глаза точь-в-точь как у Жухуэй, только взгляд совсем другой.

С этими словами Минцянь навалился коленом на его живот. Под тяжелым прессом Сяодун глухо вскрикнул от пронзительной боли.

Он попытался вырваться, но разница в силе была непреодолимой. Принц легко перехватил его брыкающиеся ноги и прижал к постели.

Сяодун забился в истерике, слезы заливали лицо:

— Не трогай меня! Не прикасайся!

— Буду, — Минцянь брезгливо отер слезы с его щек. — Какой изнеженный. Настоящая девка. Я ведь еще ничего не сделал, а ты уже ревешь. В животе пусто, с чего бы ему так болеть? Капризный мальчишка.

Сяодун рыдал навзрыд, его тело била крупная дрожь. Подчиняясь какому-то животному инстинкту, он лихорадочно залез за пазуху и вытащил подарок Жухуэй:

— Нефрит... Возьми нефрит!

Минцянь на мгновение застыл. Он осторожно взял кровавый нефрит и долго всматривался в него, поглаживая пальцами:

— Жухуэй... Глупая моя Жухуэй... Вечно ты путаешь мне карты.

Он благоговейно прижал яшму к губам, спрятал ее в складках одежд, а затем приподнял Сяодуна за шиворот и принялся небрежно похлопывать по спине, словно успокаивая ребенка:

— Ладно, ладно, не реви. Сегодня я тебя не трону. А дальше посмотрим, как себя вести будешь.

Сяодун задыхался от плача, его мутило от каждого прикосновения принца.

Минцянь бесцеремонно вздернул его за подбородок:

— Так и быть, из уважения к твоей сестре я дам тебе шанс. Прямо сейчас ты можешь пойти к любому мужчине в этом лагере. Если кто-то согласится забрать тебя, я отпущу тебя и не стану делать своей наложницей.

Сяодун немного успокоился, хотя дыхание все еще перехватывало от рыданий. Принц повернул его лицом к застывшим у входа предателям:

— Вот, например, твой кузен Юньцзи или мой верный слуга Дунчэнь. Они ведь без ума от тебя. Стоит тебе попросить, и они с радостью примут эту сладкую крошку в свои объятия.

Сяодун даже не взглянул на них. Зажмурившись, он отвернулся к стене и глухо застонал от подступающей тошноты.

Минцянь рассмеялся:

— Ах да, совсем забыл. Ходят слухи, что ты делил постель с молодым господином Су. Хочешь

пойти к нему? Что ж, я не против проводить тебя.

Сяодун долго сдерживал позывы к рвоте, прежде чем нашел в себе силы подняться. На его лодыжках защелкнулись тяжелые кандалы, но он даже не обратил на это внимания. Сгорая от лихорадочного гнева, он схватил принца за рукав:

— Ответь мне... Ответь! Пять лет назад, в четвертый день восьмого месяца, на совместный день рождения сестры и брата... Ты ведь приезжал в наше поместье? Гу Цзиньюй сказал мне тогда... Он сказал, что ты встретил моего брата на дороге и избил его до полусмерти. Расскажи мне, как все было на самом деле!

Минцянь удивленно захлопал ресницами и притворно вздохнул:

— Не нужно возводить на меня напраслину. В день рождения твоей сестры я вел себя тише воды, ниже травы, даже муравья не обидел. С чего бы мне избивать твоего брата?

Он с усмешкой постучал пальцем по лбу Сяодуна:

— Какой же ты глупый. Неужели верил всему, что наплел тебе Гу Цзиньюй? Он ведь просто обвел тебя вокруг пальца. С самого начала врал. А мне скрывать нечего, я такими глупостями не занимаюсь.

Слова принца больно ранили Сяодуна. Собрав последние силы, он яростно оттолкнул Минцяня и скатился с постели.

Дунчэнь бросился к нему, пытаясь удержать за плечи:

— Гу Сяодун!

Сяодун отпрянул от него, как от ядовитой змеи:

— Пошел вон!

— Какой капризный ребенок, — Минцянь неторопливо поднялся, поправил халат и подошел к Сяодуну. — Что ж, раз ты так хочешь видеть своего молодого господина Су, пошли. Я лично провожу тебя.

Сяодун, спотыкаясь, побрел к выходу. Железные кандалы неприятно звенели при каждом шаге, босые ноги обжигал холод земли, но он не чувствовал ничего, кроме оглушительной

пустоты. Все вокруг оказалось ложью. Все предали его.

У него оставалась единственная надежда — Су Минья. Тот, кто согревал его все эти дни, кто дарил нежные поцелуи и обещал защиту. Он должен быть там, в безопасности, под его крылом.

Пока он шел в полузабытьи, Минцянь привел его к шатру клана Су, знаком приказав страже молчать.

Сяодун замер у входа. Сквозь плотную ткань полога до него донеслись веселые голоса молодых господ.

Говорил Юэ Сюньчжи, его тон был развязным и праздным:

— Минья, ты ведь так близко сошелся с этим Гу Шаньцином... Ну и как он в деле? Сравнится с мальчиками из весенних борделей Чанло?

— Куда там, — лениво отозвался Минья. — И в подметки им не годится. Совсем не умеет ублажать, голос писклявый, да и тело жестковато.

— Вот как? Тогда, может, уступишь его мне, когда вдоволь наиграешься?

Сяодун услышал равнодушный ответ Миньи:

— Забирай. Мне не жалко.

Последняя нить, связывавшая его с этим миром, оборвалась. В голове Сяодуна воцарилась звенящая тишина. Он оттолкнул руку Минцяня и бросился бежать прочь, не разбирая дороги.

Быть может, все это лишь кошмарный сон? Если бежать быстрее, он сможет проснуться?

Минцянь сделал знак своим людям не вмешиваться и с ухмылкой проводил взглядом хрупкую фигуру беглеца.

Лишь дождавшись, пока Сяодун скроется из виду, он велел Юньцзи и Дунчэню седлать коней:

— Загнать добычу в угол — вот где настоящее веселье. Пора начинать охоту.

Слуги подвели Дунчэню его верного коня Наньвана, а Юньцзи — его чистокровного скакуна.

Оба юноши так сильно дрожали, что едва смогли вставить ноги в стремена. А когда они увидели, что принц держит в руках лук и деревянные стрелы, их лица окончательно лишились красок.

— Ваше высочество...

— Кузен!

Минцянь приложил палец к губам:

— Тсс. Едем тихо.

Маленький отряд бесшумно выехал из лагеря. Вскоре в тусклом свете луны на бескрайней снежной равнине показалась маленькая фигура Сяодуна.

Минцянь вскинул лук и, не задумываясь, спустил тетиву.

У Дунчэня и Юньцзи замерло сердце.

Стрела вонзилась в снег рядом с беглецом. Не выдержав, Юньцзи сквозь слезы принялся умолять принца, переходя с «кузена» на «ваше высочество». Минцянь лишь весело похлопал по луку:

— Он молодой, крепкий. С ним ничего не случится, пускай побегает.

Дунчэнь с криком: «Ваше высочество!» — попытался перехватить лук, но не успел. Вторая стрела со свистом пролетела в волоске от головы Сяодуна, срезав прядь его волос.

Порыв ледяного ветра швырнул эти волосы прямо в лицо Дунчэню.

Едва он убрал их с глаз, как услышал довольный смех принца:

— О, глядите-ка! Он прыгнул в пруд.

У Дунчэня потемнело в глазах.

— Ну, ступайте, достаньте беднягу. Жалко ведь, замерзнет в такую стужу.

В эту морозную ночь Гу Цзиньюй стоял в темной чаще леса, покрытый инеем. Натянув тетиву, он целился в скрытый пусковой механизм. Когда-то давно на этом самом месте он уже выпускал стрелу, заслужив признание отца и превзойдя Пинханя. Сегодняшний выстрел мог принести ему величайшую победу или окончательно низвергнуть в бездну.

В тот самый миг, когда стрела сорвалась с тетивы, Цзиньюй ощутил, словно невидимое копье пронзило его собственное сердце. Боль была настолько острой, что он упал на колени, хватая ртом ледяной воздух.

С трудом преодолевая спазм, он растер лицо пригоршней снега и поднялся. Взглянув вниз на лагерь, он заметил, как в одном из шатров вспыхнуло неестественно яркое пламя.

Погружаясь в холодную воду, Сяодун внезапно ощутил странное, давно забытое чувство безопасности. И пусть вода обжигала холодом, ему казалось, будто он вернулся в далекое детство — лежит на самом дне деревянного ушата, вокруг мягко колышутся водоросли, а мир сузился до крошечного, безопасного уголка, где есть все, что ему нужно.

Сяодун инстинктивно рванулся вверх, стремясь к поверхности. Но когда до спасительного воздуха оставалось всего ничего, он замер и затаил дыхание. Страх, обида и боль медленно растворялись в темной бездне.

Он подумал:

«Пусть... Полежу еще немного».

Как хотелось бы, чтобы вся его жизнь оказалась лишь затянувшимся глупым сном. Наверное, он все еще лежит на дне деревянного чана и ждет, когда отец и старший брат усадят его на телегу. Загремят колеса, и они поедут через шумные улицы, мимо высоких гор и бескрайних рек, далеко-далеко.

<http://bllate.org/book/20609/2214656>